

Коноплина А., Садовникова Ф.В. (Каменск-Уральский)
Глагольная метафора в произведениях
уральского писателя В.И. Юровских
(из опыта школьного изучения)

Василий Иванович Юровских – один из тех немногих писателей в современной литературе, кто является подлинным творцом и пополнителем великого и могучего русского языка. На уроках русского языка и литературы мы довольно часто используем его рассказы для выявления изобразительных возможностей глагола. Каждый из его рассказов – это россыпь самородных слов, удивляющих и первозданной свежестью, и поразительной смысловой точностью.

Память сердца – это то, что объединяет ряд сюжетных новелл в сборники лирических миниатюр «Веснозапев», «Три жизни» и «Журавлиные корни». Автобиографичность, свойственная прозе Василия Юровских, служит здесь основой повествования о жизни обыкновенной уральской деревни Юровки – родины маленького Василки. Юровских обращается к своему далекому военному детству – ко времени, когда закладывался и формировался характер целого поколения.

В «Трех жизнях», как и в «Журавлиных корнях» и в других произведениях В.Юровских, проявляется необыкновенное пейзажное мастерство писателя, вырастающее из великолепного знания родной уральской природы. Его пейзажи всегда согласованы с душевным состоянием человека. То удивительное видение мира, которое он дарит читателю, порождает ощущение сопричастности к первозданной красоте природы и гармонии бытия.

Изобразительные качества глагола всегда привлекали В.И.Юровских. В своих произведениях он использует богатство и многогранность смысловой структуры глагола, считая, что русский глагол **«более пригоден для одушевления природы, чем какая – либо другая часть речи»** (А.М. Пешковский «Русский синтаксис в научном освещении»). Сами индивидуальные способы употребления глагольной метафоры в рассказах В.И.Юровских поистине неистощимы и безграничны. Насыщая ткань своих произведений глаголами, В.И. Юровских создал очень яркие, живые и динамичные картины жизни природы. Мы подтвердим это многочисленными примерами употребления глагольной метафоры (глагольно – именная конструкция).

«Царство чудесных превращений». Приемы употребления глагольной метафоры, использованные в изображении уральских рек.

В.И. Юровских провел свое детство на берегах уральских рек Крутишки и Исети, он посвящает этим двум речкам множество образных строк. Обычные уральские речки уподобляются живым существам:

«Исеть, будто сахар, облизывала песок, кипела водоворотами, вскидывала живое рыбе серебро и дразнила крикливых чаек».(Ис.с.81).

«Омутистая Крутишка **ожил**а ближе к бывшей деревне Морозова, **засветилась** плесинками из тростников у села Юровка». (II с.80)..

В данном отрывке критерием для выделения метафористического значения служат и синонимические связи: «**вертела, буравила, выкруживала, отсевала**»)

Для Юровских характерна метафоризация движения водной стихии, описание её «человеческими категориями», создавая **динамику** образа в лирическом тексте:

«**Всё тише и тише мурлыкает** баюн-ручей, как бы **засыпает** до новой утренней зорьки». (II-с.34)..

«Ивняковым ложком **стекает** в сиреневые сумерки **говорливый** ручей. Он то **мурлычет** и **подрагивает** усиками смородины, то бойко **балагурит** о чем- то, а ниже обрывчика **закипает** и **бурлит**, словно нечаянно **запрыгнул** в наш котелок». (II-с.81).

В данных примерах глагольные метафоры играют большую роль в создании **определенной эмоциональной тональности** состояния и самого лирического героя.

Использование глагольной метафоры при описании атмосферных явлений.

С помощью глаголов конкретно-обыденного действия рисуются атмосферные явления:

«**Задумалось** и парное, растеплевшее небо, **задумалась** и разморено-разнеженная земля. Солнце не видно с утра, и непонятно, туман ли **поднялся** и **закрыл** его, морок ли **натянуло** из-за берёзовых увалов». (I-с. 135).

Туман в художественном изображении писателя тоже сродни живому существу:

«Когда летний вечер **выстлал** по межинам и речке сырые туманные холстины и начал **стелить** для ночи желтоватые звёзды, тогда с берегов Крутишки стали окликать друг друга перепела» (II-с. 58).

Употребление глагольных метафор парами, цепочками также позволяет **значительно усилить экспрессивность текста**. В подобных случаях первая метафора является «упаковочным материалом», а основную смысловую нагрузку несут вторая и третья метафоры.

«Они, ягоды, **смотрят** лукаво глазами в белесо-индевелом обводе, как бы **подглядывают** за нами из под белобрысых ресниц». (III-с.434)

С разнотава дымно **печалилась** вишнево-сиреневая даль осенних лесов и полей, и в небо **наплывал** дымный морок, словно где-то подпалили пастухи влажные копны соломы» (I-с.139).

А вот как писатель с помощью глагольных метафор рисует дождь и снег: «Опять **взялся пересчитывать** листья у берез рассеянно-холодный дождик». (II-с.149). «Припорошил было снежок поля и, словно **спохватившись, остановился**». (II-с.132)

*«Наконец, пахнуло оттепелью, а к ночи плотная облачность зашуршала искристой звездной изморозью. И на снежинках-парашютиках стала мягко **опускаться** зимушка-зима» (II-с.132)*

В последнем примере глагольная метафора носит подчеркнуто бытовой характер, такая намеренная упрощенность тоже создает определенную эмоциональную тональность, непосредственный тон общения обычного повседневного разговора, тем самым обеспечивая определенный настрой читателя.

В некоторых случаях природные явления уподобляются первозданным стихиям огня, при этом создаётся ассоциация с разными стадиями горения:

*«Солнце **скраснело** за лесом и **укатилось** за край земли» (II-с.29). «Солнце лучисто **обнимало** землю»(II-с.35). «А солнышко тоже колобком **взбирается** всё выше и выше» (II-с.47). «Материнским взглядом **теплит** с затихшего неба солнце»(III- с.434).*

Такое широкое употребление поэтических образов, связанных с горением, объясняется тем, что художник следует **традициям народной эстетики русского фольклора**, рисуя картины празднества природы, очищающую радостную стихию лета, символ которой является огонь.

Насыщенность словесной ткани текста глагольной метафорой при воспроизведении полноты жизни уральской природы.

Особенно высокой способностью сочетаться с метафористическими глаголами обладают различные названия растений: цветы (клевер, ромашки, белый донник, подорожник, анютины глазки, васильки, колокольчики, лютики, горошек, незабудки, журавельник, гвоздика), иван-чай, травы, деревья, которые хорошо знает и любит писатель. При этом он использует одушевление, как основной вид ассоциации; как бы приподнимая эти живые существа на ранг выше, приписывая растениям эмоции животных или даже человека:

*«И только слышим как **ревёт-надрывается** ветрище в трубе, **шумит, кряхтит и скребёт** корявыми сучьями крышу старый тополь». (II-с.82.)*

*«Тонкая зелень **зализала** у земли все ушибы и проступы-следы»(II- с.24).*

Дерево у В.Юровских умеет «стонать и плакать», «говорить и шептать». Образ древа в рассказах В.И. Юровских предстает в том же значении, что и в народной поэзии. Авторские метафоры восходят к **фольклорному** традиционному мотиву уподобления человека природе и опираются на традиционный фольклорный троп **«человек – растение»**.

*«А сосны мудро **шептали** о чём-то в вышине, и солнце один раз в день **заглядывало** в синий высвет неба». (II- с.77)*

Василий Иванович Юровских, выросший среди природы, часто подмечает самые, казалось бы, бытовые детали в жизни растений, находя в них аналогию человеческим действиям и состояниям. Природа,

как и в фольклоре, - это не застывший пейзажный фон: она горячо реагирует на происходящие вокруг события.

«Насупленная и упрямая боярка **удерживала** за пояс свою соседку – берёзку. Не только ветвями **опеленала**, а и корнями крепко **обняла** её в земле»(II-с.73).

Убеждённый в целесообразности мудрости всего, что происходит в живой природе, автор часто приписывает растениям свойства собственного человеческого сознания – способность к принятию решений, желания:

«И васильки **зашевелились**, **качнули** головками, **заморгали** ресницами и ...**раскрылись**». (II-с.40).

«Статной крестьянкой **остановилась** у лесной избушки берёза, и подол пёстрого запона **подоткнула**, и кого-то с лукавинкой **высматривает** с угорины за речкой Крутишкой». (II- с.97).

Чаще всего в художественной прозе В. Юровских метаморфический глагол является центром образности, экспрессии, которая, распространяясь, вызывает метафоризацию более широкого отрезка речи, то есть одна метафора порождает другую, согласованную с ней:

«Спустился с крутояра в узкую разложину, где травы по плечи, где негасимо-ало **горят** головки клевера и русые вихры белого донника **пышут** в лицо медовым теплом, где кипрей-иван-чай выше моих волос **полюхает** червлёными знамёнами русской рати на поле Куликовом»(I-с.155).

Как и в фольклоре, яркий цвет растений (ярко-алый, червлёный) является для писателя основой ассоциации со стихией огня.

Контекстные глагольные метафоры в «очеловечивании братьев наших меньших»

Животный мир у В.Юровских – часть живой, одушевлённой, разумной природы. Его птицы и животные – это «меньшие наши братья», у которых свои думы и заботы, свои горести и радости.

«Серая и незвратная снегиришка **наигрывает**» свою прощальную песню». (II –с.116). «Белка **спешит** на свидание с барсуком и **цоклет** ему приветственно из дупла». (II- с.106).

Чем выше описываемое В.И. Юровских явление природы по своему развитию, тем большая способность к психологическому восприятию действительности предоставляется ему автором: если растения в его художественном изображении **радуются**, **плачут** или **улыбаются**, то животные уже способны **думать**. Разумеется, маленький герой Василко прекрасно понимает своих «младших собратьев».

«Задираю голову и вижу – рукой достать – висит на ветке большая синица, **шурится** на мой улов и **радуется** за меня окуню» (I-с.167).

«А ночью, поди, совы просыпаются, и тоже покоя не дают, **обзывают** птенца: «Немтун, немтун...» (III - с.396.)

«Наверняка, еду из клюва **вырывают** (сороки), да ещё и **издеваются**, косточки ему **перемывают**». (III- с.398).

*«И слышится мне – о нём она **шикотит**:*

- Рахит, рахит...

*- Кха, кха, ки-ки-мора, - **отхаркивается** где-то ворона. Тоже ор-
лёнка **поносит**». (III- с.398).*

В подборе глагольных метафор, «очеловечивающих» представителей животного мира В.Юровских часто удаётся передать свежесть и остроту детского восприятия любознательно деревенского мальчика, познающего окружающее:

*«В селе мы открыли коробок. Ящерёнок **привстал** и **посмотрел** на нас косо расставленными глазёнками. В них было столько невыразимой тоски по сырым луговинам, по запахам лесным и всяким букаш-кам, что мне стало не по себе». (II-с.37).*

Созданию поэтических картин природы способствует глубокая наблюдательность писателя, его редкое умение подметить «человеческие» свойства у природы, тесную взаимосвязь человека с окружающим миром.

В своих произведениях писатель В.Юровских раскрывается как превосходный стилист, художник-психолог, подлинный мастер «речевых дел», уверенно чувствующий себя в стихии народного языка. И недаром в предисловии к сборнику «Материнское благословение» писатель Евгений Носов отмечает: «Василий Юровский не хочет оставаться только потребителем уже устоявшегося литературного языка – он его активный творец и пополнитель. И реставратор одновременно. Любовно и бережно он очищает от архивной пыли незаслуженно забытые в суеде слова и заставляет сызнова звучат веско и молодо».

Можно приводить бесконечное множество примеров превосходных языковых находок у В.Юровских, находок отнюдь не искусственных, сконструированных, а взятых из великой **сокровищницы народной речи**, из кладовых запасов языка матери-земли, про которые ёмко и лаконично сказал писатель в новелле «Материнское благословение»: «Бывает, напишет кто-то языком матери-земли, а другому слова его корявыми покажутся. Ну и вырежет он их, ровно да гладко станет, как на асфальте, но только безголосо: слово-то с виду корявое, и было тем самым певучим материнским благословением».

Проникая в мастерскую художника слова, мы познали определенные закономерности построения глагольной метафоры. Как правило, ее структура соответствует грамматической формуле: «глагол + существительное»; вид связи: управление. («Май обсушил и отогрел землю, «колосок щекотал ладошки», «грибы бугрили землю» и т.д.)

Насыщая словесную ткань рассказов глагольной метафорой, В.И. Юровских создает живые, динамичные картины. Глагол является центром образности, экспрессии, которая, распространяясь, вызывает метафоризацию более широкого отрезка речи, то есть одна метафора порождает другую, согласованную с ней.

Следуя традициям народной эстетики русского фольклора, В.И. Юровских в систему метафоризации вовлекает глаголы конкретного,

предметно – бытового характера: «зачадили сумерки», «чебачишки живили течение реки», «стручки сжали зеленые губы», «рыбка загуляет подле берега» и т.д.)

Председатель Правления Союза писателей России В.Н. Ганичев писал: «С настоящей поэтической прозой встретится всякий, кому попадет в руки книга Василия Юровских «Журавлиные корни». Они изда- на тиражом 75000 экземпляров. Это семьдесят пять тысяч радостей во всех уголках нашей Родины. Не боюсь громких слов, ибо сам эту ра- дость испытал я, читая это удивительное произведение, написанное по-юровски».

Литература:

Юровских В.И. Три жизни. Челябинск, 1990.

Юровских В.И. Веснозапев. Челябинск, 1995.

Юровских В.И. Журавлиные корни // Современная уральская по- весть. Свердловск, 1981.

Дергачев И.А. Книги и судьбы. Страницы литературной жизни Урала. Свердловск, 1973.

Ефимов А.И. Роль глагола в словесно-художественном творчестве писателей. М., 1980.

Кузин Н.Г. Диалог с временем. Свердловск, 1983.

Кузин Н.Г. На языке любви и света. // Урал. 1981. №3. С.175 – 179.

Сапожков С. Творение, а не сочинение // Детская литература. 1989. №7. С. 28 -30.

Эткинд Е.Г. Метафора и художественный мир поэта. М., 1980.

Сергеева (Носкова) В.Б. (Ижевск)

Образовательный потенциал жанра как «сокращённой Вселенной»

В традиционном школьном преподавании литературы жанру отво- дится довольно скромное место: *его изучают* наряду с другими эле- ментами поэтики. *Его объясняют*, например: «Это баллада, этому жанру свойственны следующие особенности...», а потом проверяют знания: «Какие черты баллады вы находите в этом произведении? До- кажите, что это баллада». Но это только сведения – накопление теоре- тического знания о тексте. С ним *знакомятся*, потому что он «явлен»: в самом деле, зная то, в каком жанре создано произведение любого вида искусства – в кино, например, боевик или комедия – мы уже настраива- емся на определенное «ожидание» Когда мы обращаемся к фильму, спектаклю – к любому произведению искусства, то первое, что мы «опознаём» – это жанр. Таков механизм вхождения в текст, в начале которого читатели и зрители находят ориентиры, создающие «настрой на определённое отношение к произведению и в известной мере опре- деляет способ восприятия произведения и воссоздания его образов»